

Людмила ЛЕБЕДЕВА
(Краснодар)

Направления семантического развития генетически родственных слов (на примере цветообозначений в русском и чешском языках)

The Trend of the Semantic Development of the Genetically Related Words (Exemplified by the colour denotation)

The comparison of Russian and Czech genetically related colour naming adjectives that have common Slavonic roots reveals the following functional and semantic mechanisms: a) semantic development of words is generally the same – from colour meaning to derived non-colour meanings (*желтый* – *žlutý*, *зеленый* – *zelený*, *черный* – *černý*, *белый* – *bílý*); b) a word in one language preserves the initial non-colour meaning (*krásný*), and in another language it acquires new meanings – colour and non-colour (*красный*); c) genetically related words have a different number of meanings which is shown in the narrowing of the initial combinability of Russian words (*червонный* and *гнедой*) or in their dropping out from the active vocabulary (*рудый/рудоi*) with constant widening of the corresponding Czech word (*červený*, *rudý*, *hnědý*).

Сопоставительное изучение лексико-семантической сферы генетически родственных языков неизбежно приводит исследователя к историко-этимологическому анализу отдельных ее составляющих, позволяет обнаружить универсальные и национально-специфические особенности семантики однокоренных слов.

Векторы семантического развития генетически родственных слов чаще всего оказываются однонаправленными, однако в каждом языке формируются свои нормы словоупотребления, приводящие к кардинальным сдвигам в семантике отдельных слов, что создает коммуникативные проблемы. В этом отношении особенно показательной оказывается судьба слов, представляющих ядерную часть лексико-семантического поля цветообозначений в русском и чешском языках. Это русские прилагательные *белый, желтый, зеленый, коричневый, красный, черный* и чешские *bílý, černý, červený, hnědý, rudý, zelený, žlutý*, семантические преобразования которых в диахронии можно проследить в восстановленных межъязыковых оппозициях *белый – bílý, гнедой – hnědý, желтый – žlutý, зеленый – zelený, коричневый – skořicový, красный – krásný, рудый/рудой – rudý, червонный – červený, черный – černý*.

Заметим сразу, что у однокоренных прилагательных *желтый – žlutý, зеленый – zelený* семантическая структура не является сложной, а их семантическое развитие шло практически в одинаковом направлении: усложнение семантической структуры было обусловлено развитием производных (в том числе и переносных) нецветовых значений, как правило, в целом совпадающих в обоих языках. Так, например, у слов *желтый* и *žlutý* сравнительно недавно появилось производное значение “реакционный, продажный” (*желтая пресса – žlutý tisk*), а у слов *зеленый* и *zelený* – производное “недозревший” (*зеленый горошек – zelený hrášek, зеленое яблоко – zelené jablko*) и переносное “молодой, неопытный” (*зеленый юнец – zelený kluk*). Совпадения обнаруживаются и при употреблении этих прилагательных в устойчивых сочетаниях (*желтая лихорадка мед. – žlutá zimnice, желтая раса – žluté plemeno, желтая карточка спорт. – žlutá karta; зеленый чай – zelený čaj, быть зеленым от зависти, злости – být zelený závistí, zlostí; зеленая улица – zelená ulice*), хотя известны случаи их специфической, лингвокультурной дистрибуции, например, в русском языке это проявляется в выражениях *желтый дом устар.* – “больница для душевнобольных”; *зеленая тоска/скука* “о томительной, невыносимой скуке”; *зеленый змий* “спиртные напитки, алкоголь; пьянство”. В чешском языке прилагательные *zelený* и *žlutý* встречаются в сочетаниях *Zelený čtvrtek* “четверг на страстной неделе перед Пасхой” (соответствие в русском языке – *чистый четверг*), *zelený anton* “полицейский автомобиль для перевозки арестованных” (в русском языке – *черный ворон*), *zelené zlato* – перифрастическое обозначение хмеля, ценной экспортной культуры Чехии, *zelená závist* (в русском языке – *черная зависть*), *věčné zelené písňe (melodie)* “нестареющие песни (мелодии)” и некоторые другие (см.: [Mokienko, Wurm 2002, s. 633, 658]).

Семантическое развитие прилагательных *белый – bílý* и *черный – černý* также можно считать однонаправленным (от цветового значения – к нецвете-

Направления семантического развития

товым), однако в разной степени усложненным в русском и чешском речевом обиходе.

Белый – bílý. Цветовое значение у этих прилагательных иллюстрируется их употреблением в следующих контекстах: *белая бумага – bílý papír*, *белая роза – bílá růže*, *белое платье – bílé šaty*, *белый как снег – bílý jako sníh*, *белый как мел – bílý jako křída* и т.п. Сема цвета присутствует и производных значениях “светлый, бледный (о коже человека)” и “ясный, светлый (о времени суток)”: *белое лицо – bílá tvář*, *белая раса – bílé plemeno*; *белый день – bílý den* (ср. также: *среди бела дня – za bílého dne*), *белые ночи – bílé noci*, а также обнаруживается при употреблении прилагательных *белый – bílý* в составных терминологических наименованиях и общеупотребительных клишированных сочетаниях: *техн. белое каление – bílý žár*, *металлург. белый металл – bílý kov*, *биолог. белые кровяные тельца – bílé krvinky*; *белое вино – bílé víno*, *белое мясо – bílé maso*, *белый хлеб – bílý chleba* и др. Как отражение реалий русской (советской) действительности у прилагательного *bílý* появилось (вслед за развитием этого значения в русском языке) значение ‘контрреволюционный, белогвардейский’, обнаруживаемое в устойчивых выражениях типа *bílá armáda*, *bílý teror* [SSČ 1978, s. 36], уже ставших историзмами. В сочетании со словами *волосы, усы, борода, брови – vlasy, kníry, vousy, obočí* прилагательные *белый – bílý* семантизируются как “седой”.

Современное употребление прилагательных *белый – bílý* отмечено их включением в новые сочетания перифрастического характера типа русских *белая нефть* “о газовом конденсате”, *Белая Олимпиада* “о зимних Олимпийских играх”, *Белая Спартакиада* “о зимней Спартакиаде”, *белое зерно* “о рисе”, *белый континент* “об Антарктиде” и др., причем перифразы с эквивалентным лексическим составом могут иметь разные денотативные основания: *белая смерть* “о сахаре” – *bílá smrt (ve sněhu)* “смерть от обморожения (в снегу)”, *белое золото* “о хлопке” – *bílé zlato* “о сахаре” и др.

Черный – černý. Общими в семантической структуре слов *черный – černý* являются, по данным толковых словарей [MAC-IV, с. 667–668; SSJČ, s. 58], помимо собственно цветового (*черная краска – černá barva*, *черные волосы – černé vlasy*), следующие производные значения:

- 1) темный, более темный по сравнению с обычным цветом: *черный от загара – černý jako cikán* //темнокожий (как признак расы): *черная раса – černé plemeno* //темный, полностью лишенный света: *черная ночь – černá noc*;
- 2) *перен.* отрицательный, плохой: *черная сторона жизни – černý skutek*;
- 3) мрачный, безрадостный, тяжелый: *черные думы/мысли – černé myšlenky* // связанный с трудностями, невзгодами (о времени): *черный день – černý den*;
- 4) в знач. *суц.* черная, темная одежда: *дама в черном – dáma v černém*;

5) неквалифицированный, не требующий высокого мастерства, подсобный, чаще физически тяжелый или грязный (о работе, труде и т.п.): *черная работа – černé řemeslo*.

В чешском толковом словаре отмечено и значение “запрещенный, недозволённый, подлежащий штрафу, тайный, нелегальный”, обнаруживаемое в контекстах *černý obchod, trh* (букв. *черная торговля); *černé mzdy* (букв. *черные зарплаты); *černý pasažér* (букв. *черный пассажир, соответствующее русскому *безбилетный пассажир*); *černá vysílačka* (букв. *черная радиостанция) и др. Это значение, не отмеченное русским словарем (правда, фиксирующим сочетания *черная биржа; черный рынок* со значением “неофициальная, тайная биржа (рынок) в капиталистических странах”), легко обнаруживается в выражениях, получивших распространение в речевом обиходе русскоязычного населения на постсоветском пространстве и характеризующих отношения в сфере теневой экономики: *черный нал* “наличные денежные средства, полученные незаконным путем”; *черный рейдер* “уголовное преступление, связанное с незаконным захватом собственности”¹.

В сочетании со словом *den* или словами, обозначающими дни недели, у слова *черный* появляется значение “неудачный, тяжелый”. Это значение обнаруживается, например, в чешских устойчивых выражениях *má černý den* (букв. *у него черный день), *černý pátek* (букв. *черная пятница²). В языке российских СМИ часто используется сочетание *черный вторник* (калька английского *Black Tuesday*) для обозначения финансового кризиса: *Фондовый рынок США пережил «черный вторник»*; *«Черный вторник» для дилеров сотовых телефонов* и т.д.

Среди устойчивых сочетаний слов, куда относятся клишированные выражения и перифразы, отметим как полные лексические и семантические совпадения (*черный кофе – černá káva; черный хлеб – černý chleba; черные очки – černé brýle; черный юмор – černý humor; черный ящик – černá skříňka; устар. черная смерть – černá smrt* “чума”), так и расхождения, которые также могут быть лексическими или семантическими. При лексических расхождениях – несовпадении лексического состава – устойчивые сочетания являются эквивалентными, если совпадают обозначаемые ими денотаты: *černá listina – черный список; černé pivo – темное пиво; černé uhli – каменный уголь; černá kronika – криминальная хроника; černé myšlenky – мрачные*

¹ Наряду с прилагательным *черный* в русском языке отмеченный выше оттенок значения “нелегальный, незаконный” получает прилагательное *серый*, которое используется в разговорных словосочетаниях типа *серые сотовые телефоны, серая электроника, серая сборка* (телефонов, электроники), *серая зарплата*. Такое значение отсутствует у чешского прилагательного *šedý*.

² Заметим, что это свойство русские приписывают не пятнице, а понедельнику, и это отражено в поговоре: *понедельник – день тяжелый*.

Направления семантического развития

мысли; černá (prašivá) ovce – паршивая овца и т.д. Расхождения в семантике при совпадении лексического состава сочетаний – свидетельство межъязыковой омонимии: *черный лес* “лиственный лес” и *černý les* “темный, дремучий лес”; *черное золото* “нефть” – *černé zlato* “каменный уголь” (для обозначения нефти в чешском языке используется перифраза *černá krev země*, что в буквальном переводе значит “черная кровь земли”). Подобные расхождения в семантике объясняются различиями в традициях вербализации одних и тех же реалий, традициях, сложившихся у разных этносов. Ср. также чешские перифразы *černý batalion* (букв. *черный батальон) “шахтеры, горняки”; *tuž v černém* (букв. *человек в черном) “судья по футболу” и т.д. Как видно из примеров, межъязыковая лакунарность такого рода, как правило, легко элиминируется языковыми средствами переводящего языка, поскольку в языковом сознании коммуникантов (при достаточном владении чужим языком) не возникает невербализованных денотативных «пустот».

Примечательно, что в составе устойчивых сравнений признак „черный“ в основном одинаково эталонизируется в русском и чешском языках, совпадая в сравнениях *черный (загорелый) как негр* и *černý (opálený) jako ašant*; *черный (грязный) как трубочист* и *černý jako kominík*; *черный как ворон* и *černý jako havran*; *черный как цыган* и *černý jako cikán*; *волосы черные как смоль/смола, как уголь* и *vlasý černé jako smůla, jako uhel*. Вместе с тем в каждом языке имеются свои эталоны для признака „черный“ в приложении к разным субъектам – носителям этого признака. Ср. русские устойчивые сравнения *черный как араб / как эфиоп* “о человеке, кожа которого потемнела от загара“, *черная как галка* “о смуглой и темноволосой женщине“, *черный как галчонок* “о смуглом и темноволосом ребенке“, *черный как грач / как жук* “о смуглом и черноволосом мужчине“, *черный как головешка / как сапог / как сапожное голенище / как уголь* “о лице, коже человека, потемневших от загара, болезни и т.д.“; *черные как вороново крыло* “об очень темных волосах“; *черные как агат / как вишни / как угли / как у цыгана* “об очень темных глазах“; *черный как вакса / как вар / как деготь / как сажа* “о чем-либо черном или очень грязном“; а также чешские образные характеристики человека или предмета: *černý jako bota* “черный как ботинок“; *černý jako sarouch / sorouch* “черный как дымоход“; *černý jako eben* “черный как эбеновое дерево“; *černý jako hřích* “черный как грех“.

Ценностные коннотации слов *черный – černý* могут быть представлены в виде шкалы, где на нулевой отметке находятся прямые – цветовые – значения (*черная краска – černá barva*), к которым примыкают употребления прилагательных в составе зоологических или ботанических названий (например, *черный дятел, черная икра, черная смородина* и *černý kos* “черный дрозд“, *černý bez* “бузина“), а также в составе общеупотребительных клишированных сочетаний типа *черный хлеб – černý chléb* или в составе фразеологических

единиц типа русской *записать черным по белому* или чешской *je to černé na bílém*. Положительные оценки практически не представлены, так как в аксиологическом пространстве славянской языковой картины мира *черный* обычно выступает как синоним понятий «отрицательный», «плохой» в применении не только к реалиям действительного мира (*черная работа; černé řemeslo*), но и для обозначения отрицательных свойств и эмоциональных состояний человека (*черная неблагодарность, черная тоска, черная измена, черная зависть, черный юмор; černé myšlenky, černý humor*), а также для обозначения всего темного, непознанного сознанием человека (*черная дыра, черная магия, черные силы*; в русском просторечии обычная замена слов *черт, нечистый* словом *черный*; ругательство с упоминанием имени черта называется у русских *черным словом* [Фасмер 1987, с. 347]). Примечательно, что в славянской мифологии *Чернобог* – злой бог, приносящий несчастье; воплощение всех темных сил. Антипод *черного* на аксиологической шкале в обоих языках – *белое*, поэтому имя доброго, „светлого“ бога в древней славянской мифологии – *Белобог* [Шапарова 2003, с. 532]).

Таким образом, семантические структуры слов *черный* – *černý* практически совпадают, а случаи семантической лакунарности единичны и в целом не препятствуют коммуникации.

Что касается прилагательных *красный* – *krásný*, *червонный* – *červený*, *рудый/рудой* – *rudý*, *коричневый* – *skořicový*, *гнедой* – *hnědý*, то становление их цветовых и нецветовых значений заслуживает специального рассмотрения.

Красный – *krásný*. Заметим сразу, что русское прилагательное *красный* занимает особое место в кругу цветообозначений, поскольку цветовое значение у общеславянского по происхождению слова стало доминирующим к XVIII в., окончательно вытеснив исконное значение «красивый, прекрасный» (подробнее о становлении цветового значения у слова *красный* см. в [Бахилина 1975]). Следы этого первоначального значения теперь можно найти лишь в поэтической речи, в произведениях устного народного творчества, в пословицах и поговорках, во фразеологизмах: *красна девица, лето красное, солнце красное, красный денек, красное слово, не красна изба углами, а красна пирогами* и др. В языковом сознании носителя современного русского языка устаревшими являются также значения “парадный” (*красный двор, красные ворота*), “почетный” (*красный угол, на миру и смерть красна*), а значение “ценный” (*красная дичь, красный зверь, красная рыба, красное дерево, красный лес*) обнаруживается у слова *красный* в несвободном употреблении, т.е. в устойчивых выражениях терминологического характера.

Семантическое развитие слова *красный* продолжалось на протяжении XIX–XX вв., когда у него появилось новое значение, прослеживаемое только в полной форме, – “революционный, коммунистический”. Это значение было

Направления семантического развития

заимствовано русским языком из французского: в революционной Франции XIX века красное знамя стало эмблемой революционного движения, а красный цвет – символом коммунистических идей, потому и слово *rouge* “красный” наполнилось новым содержанием [Сорокин 1965, с. 172]. В русском языке послеоктябрьского периода произошло обогащение этого значения целым рядом оттенков: “большевистский”, “советский”, “социалистический”, “свободный”, “новый”. Своеобразный концентрат этих оттенков можно увидеть в стихотворении Николая Асеева «Кумач», написанном в 1921 году: *Красные зори, / красный восход, / красные речи / у Красных ворот / и красный / на площади Красной / народ.*

В чешском языке слово *krásný* сохранило исконное, общеславянское значение, поэтому его сочетаемость является довольно широкой, а сами сочетания – стилистически нейтральными: *krásný den* “прекрасный день”, *krásné počasí* “прекрасная погода”, *krásný hlas* “красивый голос”, *krásný život* “красивая жизнь” и т.д. Таким образом, в настоящее время прилагательное *krásný*, входящее в русское лексико-семантическое поле цвета, является межъязыковым омонимом по отношению к чешскому *krásný*, у которого цветковое значение отсутствует. Родственные связи русского слова *красный* и чешского *krásný* обнаруживаются лишь в результате этимологического анализа.

Червоный – červený и рудой/рудый – rudý. Для обозначения красного цвета в чешском языке используются два прилагательных: одно с древним индоевропейским корнем **rudh-* – *rudý*, а другое – с общеславянским корнем **červ-* – *červený* (ср. польск. *czerwony*, укр. *червоный*, бел. *чырвоны*, болг. *червен*; русск. устарелое *червоный*). Прилагательное *červený* употребляется как доминантное обозначение всех оттенков красного цвета, в то время как у прилагательного *rudý*, помимо значения “красный, цвета крови”, отмечается еще и значение “имеющий желтый и коричневый цвет с красным оттенком; рыжий” (ср.: *rudé vlasy* “рыжие волосы”, *rudovousý* “рыжебородый”, *rudý jako liška* “рыжий как лиса”) [SSJČ, s. 194].

Реализуя основное цветковое значение “красный, цвета крови”, прилагательные *červený* и *rudý* выступают как семантические эквиваленты: *červená růže – rudá růže* “красная роза”, *červené víno – rudé víno* “красное вино”. Однако они могут иметь свою собственную сочетаемость, как правило, в устойчивых образных выражениях и в сочетаниях терминологического характера, в которых замена одного прилагательного другим невозможна, например: *červená nit* “красная нить”, *Červený kříž* “Красный Крест”, *Červená Karkulka* “Красная Шапочка”, *červené zelí* “краснокочанная капуста”, *červená řepa* “красная свекла”, *červené krvinky* “красные кровяные тельца, эритроциты”, но *rudá planeta* “красная планета (о Марсе)”, *Rudé moře* “Красное море”. Значение “революционный, коммунистический” закрепилось только

за прилагательным *rudý*: *rudý prapor* “красное знамя”, *rudý pionýrský šátek* “красный пионерский галстук”, *Rudé odbory* “красные профсоюзы”, *rudý tisk* “красная печать”, *rudý koutek* “красный уголок” и др. Ср. в поэтической речи: *Pod rudým vláním / však nám buší / srdce rudé* (S. K. Neumann) – букв. *под красным знаменем у нас бьется красное сердце. В наши дни активность употребления русского слова *красный* и чешского *rudý* в значении “революционный” значительно снизилась, что объясняется изменением общественно-политических отношений как в России, так и в Чехии.

Большинство славянских языков сохранило древний корень **rudh-* в словах, обозначающих не собственно красный цвет, а различные оттенки желтого и коричневого: польск. *rudý* “рыжий”, сербск. и хорв. *руд* “бурый”, “рыжий, красновато-рыжий”, укр. *рудий* “рыжий”, бел. *руды* “коричневый”. В русском литературном языке слова с этим корнем не представлены, но сохранились в диалектах, где *рудой/рудый* имеет основное значение “красный” (очевидно, соотносимое с устаревшим *руда* “кровь”), хотя употребляется и в значении “рыжий” [МАС-III, с. 736]. Интересно отметить, что высокопробный сплав золота с медью в чешском языке обозначен терминологически как *rudé zlato*, а в русском – как *червонное золото*.

Таким образом, рассматривая пары родственных слов *червонный* – *červený* и *рудой/рудый* – *rudý*, отметим, что употребительность русского слова *червонный* резко ограничена (только в выражении *червонное золото*), а слова *рудой/рудый* вовсе ушли из литературного употребления, в то время как чешские слова с древними корнями *červený* и *rudý*, развившие, помимо цветового, и иные значения, активно используются современным чешским языком.

Коричневый – *skořicový* и **гнедой** – *hnědý*. В современном русском языке доминантой синонимического ряда слов, употребляемых для обозначения коричневого цвета, является слово *коричневый*, в чешском эту роль выполняет слово *hnědý*. Русское слово *гнедой*, имеющее тот же общеславянский корень **gněd-*, что и чешское *hnědý*, в современном русском языке используется лишь для обозначения красновато-рыжей масти лошадей (*гнедой конь*, *гнедой жеребенок*), в то время как сочетаемость чешского прилагательного *hnědý* в цветовом значении очень широкая, поскольку это слово «вбирает» в себя все оттенки коричневого цвета, и эта семантическая насыщенность особенно заметна на фоне русских эквивалентов: *hnědá kabelka* “коричневая сумка”, *hnědé vlasy* “каштановые волосы”, *hnědý kůň* “гнедой конь”, *hnědé uhlí* “бурый уголь” и т.д.

Русское *коричневый*, по происхождению относительное прилагательное (от существительного *корица*), в памятниках письменности XVI–XVII вв. употреблялось первоначально в форме *коричный* для обозначения цвета тканей. Затем его сочетаемость начинает расширяться, и постепенно слово *коричневый* (с XVII в.) оттесняет на периферию поля не только общесла-

Направления семантического развития

вянское по происхождению прилагательное *гнедой*, но и имеющее тюркские корни прилагательное *карий* (первоначально употреблявшееся только для обозначения масти лошади, а затем – и для обозначения цвета глаз у человека), а также собственно русское прилагательное *бурый*, которое до введения в обиход прилагательного *коричневый* обозначало различные оттенки коричневого цвета. В современном русском языке у прилагательного *коричневый* появилось значение “связанный с фашизмом или неофашизмом”, подкрепленное его употреблением в образных выражениях *коричневая чума*, *коричневая угроза* и т.п. Это же образное значение отмечено и у прилагательного *hnědý*: *hnědē košile*, *hnědý mor*, *hnědý teror* [Mokienko, Wurm 2002, s. 168].

Чешское относительное прилагательное *skořicový* (*skořicová vůně* “запах корицы”) также развило производное цветовое значение (*skořicová barva* “цвет корицы”) и обозначает красноватый оттенок коричневого цвета.

Говоря о семантическом развитии прилагательных-цветообозначений, нельзя не отметить их субстантивацию – употребление в значении существительного, возникающее обычно как результат речевой универбации много-словного наименования: *белый* “представитель Белого движения в первые годы Советской власти в России” (ср.: *Красная армия наступает, белые сопротивляются*); *белые* “шашки, шахматные фигуры светлого цвета в отличие от черных” (ср.: *Теперь твоя очередь играть белыми*); *коричневые* “фашисты или неофашисты” (первоначально – по цвету униформы) и др. В чешском языке подобный пример – субстантивированное прилагательное *zelená*, которое является универбом выражения *zelená ulice* (ср. русский фразеологизм *зеленая улица* “об отсутствии препятствий, задержек для осуществления чего-либо”) и употребляется в устойчивых сочетаниях *dát zelenou komu*, *mít zelenou*. Ср. также употребление в газетном заголовке: *Státní program Zelená úsporám*.

Итак, сопоставление русских и чешских генетически родственных прилагательных-цветообозначений, возводимых к общеславянским корням, позволяет увидеть следующие функционально-семантические закономерности: а) семантическое развитие слов в целом идет в одном направлении – от цветового значения к производным нецветовым (*желтый – žlutý*, *зеленый – zelený*, *черный – černý*, *белый – bílý*); б) слово в одном языке сохраняет исходную нецветовую семантику (чешское *krásný*), а в другом развивает новые значения – цветové и нецветовые (русское *красный*); в) генетически родственные слова обнаруживают разный семантический объем, что проявляется в сужении исходной сочетаемости русского слова (*червоный* и *гнедой*) или в выпадении его из активного лексикона (*рудый/рудой*) при постоянном расширении семантики соответствующего чешского слова (*červený*, *rudý*, *hnědý*).

Сопоставление семантических характеристик генетически родственных слов является необходимым приемом в преподавании инославянского языка и в переводческой практике, способствующим предупреждению ошибок в словоупотреблении.

Использованная литература:

Бахилина, Н. Б.: История цветообозначений в русском языке. Москва 1975.

МАС-III – Словарь русского языка: В 4-х томах. Т. III. Москва 1983.

МАС-IV – Словарь русского языка: В 4-х томах. Т. IV. Москва 1984.

Сорокин, Ю. С.: Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90 годы XIX века. Москва; Ленинград 1965.

Фасмер, М.: Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах. Т. IV. Москва 1987.

Шапарова, Н. С.: Краткая энциклопедия славянской мифологии. Москва 2003.

Mokienko, V., Wurm, A.: Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc 2002.

SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. Díl 3. Praha 1966.

SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha 1978.